

Сов. писательство.
1988 - 29 окт. в 10

В дни, когда отмечается 90-летие Московского Художественного театра, мы продолжаем публикацию материалов, рассказывающих о прошлом и настоящем МХАТа. После того как читатели познакомились со статьей А. Смелянского «Что такое Художественный?..» («СК», 27 октября), мы скорее всего покажутся не столь важными и интересными короткий рассказ о гастрольях, воспоминаниях о том, как молодой артист сдавал экзамен К. С. Станиславскому, шуточный фотоснимок... Не «мелочим» ли тему?

Между тем разговор о «несущественном» начат вполне сознательно. После статьи, которая, по нашему убеждению, есть объемный и выразительный портрет театра, — несколько добавочных штрихов к портрету. Мелочи!.. Но в культу-

ре Художественного театра, как нигде, проявляется чувство детали, умение вглядываться в подробность и видеть в ней отблески сути.

И еще одно. Воспоминания С. Лункина намеренно напоминают кому-то из читателей веселые странички булгаковского «Театрального романа»: книгу, которая «развешивала» основателей Художественного театра в глазах многих людей... безнадёжно далеких от культуры МХАТа, — театра русской интеллигенции. Перепутать юмор и злую иронию, шутку и сарказм довольно легко — особенно для нас, сегодняшних. В старом МХАТе эту границу, границу между созданием и разрушением, знали четко. И это тоже — свидетельство интеллигентности, переходящей в величие.

«...Артистов, когда они снимались сообща, тихо на шутки. Моги фотографироваться, пародировать железную дисциплину, которую стремились блюсти в своем театре: Станиславский и Немирович-Данченко стоят перед стро-

ем, а «вторые сюжеты, рядовые, держат равнение и «бьют» глазами отцов-командиров. (Синюх надували себя жомом — «смотр городом»)». — Из книги Н. Соколовой и В. Штатовой «К. С. Станиславский».

Служение правде жизни

Разбирая в маку 80-летия МХАТа им. М. Горького свои воспоминания о нем, я нашла потускневшие от времени машинописные странички, сердечных приветствий Художественному театру в связи с его полувековым юбилеем: от подчиненных с автографами И. Федина, В. Иванова, интервью с А. Корнейчуком.

Ровно 40 лет назад эти приветствия прозвучали в «Последних известиях» Всесоюзного радио, где в то время тогда корреспондентом.

Материалы публикуются впервые.

Р. БРАЙНИНА.

Всёволод Иванов:

«...Вспоминаю в эти дни свои встречи с Художественным театром, когда в 10-летие Октябрья театр ставил пьесу «Воропаев 1688», рассказывавшую о разгроме советским народом англо-американской империалистической интервенции и белогвардейщины. Вспоминаю не только потому, что я — автор. В данном случае не столько автор вел театр, сколько театр учил и унаследовал путь молодому драматургу. Я вспоминаю эти дни как патриот нашей горлолюбимой Отчизны. Я радуюсь, что видел, как на заре молодого советского искусства мы величайшей игрой Качалова, несравненным и огромным мастерством Хмелева, Баталова, Кедрова, Тарасовой поймали образцы большевистского труда и советского патриотизма в области искусства...»

Константин Федин:

«...Правда жизни — вот чему учит нас искусство Художественного театра. Оно всматривается в работу великих артистов-художественников, ищет в ней самое лучшее и включает в мистический поиск этой правды...»

Человек, которого мы видим в театре Станиславского, живет в нашем сознании, как будто встреченный нами в действительности. В то же время человек этот раскрыт для нас в своей сущности. Таким образом, мы не только видим на сцене жизнь, но и учимся понимать ее.

Мы благодарны Художественному театру за беззаветность и чистоту его служения правде жизни, правде искусства...

Александр Корнейчук:

«...В 1934 году, совсем еще молодым драматургом, я принес свою пьесу «Платон Кречет» в Московский Художественный театр. Пьеса не была переведена на русский язык, и я читал ее Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко на своем родном украинском языке.

Владимир Иванович очень внимательно прослушал всю пьесу и сказал, что МХАТ принимает ее. Он долго беседовал со мной, стремясь глубже проникнуть в характеристики отдельных персонажей и идеи пьесы. Тонкое удивительно баранное отношение к творческому замыслу автора я ощущал и во время чтения, и на репетициях. «Платона Кречета», постановщики и актеры буквально засыпали меня вопросами, «добылись» до самых сокровенных мыслей о героях пьесы, требуя больших подробностей о каждом из них.

Немирович-Данченко в своих беседах не раз высказывал мысль, если писатель вкладывает в свое произведение кусок подлинной жизни, обязанность театра — донести эту правду жизни до зрителя. Нет ничего богаче самой жизни, говорил Владимир Иванович. А мы учимся и будем учиться у нее...